

Алексей Молокин

И сотворил дом

Сергей Анриевич Апис видел во сне дом. Это был замечательный дом. С высокой черепичной крышей, светлыми стрельчатыми окнами, эркером на втором этаже и небольшой, изящной башенкой. На башенке поворачивался кованый флюгер в виде забавного человечка с флагом. Водосточные трубы на верху были украшены затейливыми коронами, а внизу заканчивались лягушачьими пастями, в которых весной весело булькала и клокотала дождевая вода.

Сергей Анриевич не был архитектором или строителем. Его представления о том, каким должен быть дом, были далеки от профессиональных изысков и, в сущности, сводились к тому, что дом должен быть таким, каким он представляется человеку, собирающемуся в

этом доме жить. Если кому-то нравятся дома в виде чемоданов — ради Бога, пусть себе живут в чемоданоподобных домах, если кому-то хочется, чтобы его дом походил на экзотическую океанскую раковину — тоже, пожалуйста, на летающую тарелку — будьте любезны.

Каждую ночь Апис добавлял что-нибудь к своему дому. Комнату с камином и глубокими кожаными креслами, лестницу с резными столбиками перил, слуховое оконце в ажурном переплете, мощеную разноцветной галькой дорожку, ведущую мимо газонов к двери с бронзовым колокольчиком.

Каждое утро Сергей Анриевич просыпался в тесной, грязноватой комнате, окно которой выходило на бетонный забор военного завода. В комнате были самодельные книжные полки и растоптанный диван. Рев испытываемых на заводе двенадцатиствольных «Иерихонов» заглушал утренние ссоры соседей, живущих за стенкой.

Так проходили ночи и дни. С каждым сном дом становился все реальнее и реальнее. И вот наступил такой сон, когда достраивать и менять в доме стало уже нечего. Дом был готов. Можно было зайти в любую комнату, посидеть в глубоком кресле, вытянув ноги к горящему камину и покуривая трубку с длинным чубуком, подняться по узкой винтовой лестнице в башню. Вот только изменить в доме было ничего нельзя. Дом, так сказать, сложился, то есть, полностью соответствовал представлениям Сергея Анриевича о человеческом жилище.

Теперь и днем Аписа не покидало чувство единства с домом. Ощущение это было сродни тому, то чувствуют беременные женщины, когда приходит время рожать, хотя Сергей Анриевич был, несомненно, мужчиной.

Любой дом требует места, и подходящее место в городе Растюпинске, где проживал Сергей Анриевич, имелось. Именно там, на пустыре, рядом с чудом сохранившимися корабельными соснами и виделся Апису его дом. Неподалеку, между островком сосен и окружным шоссе расположились двухэтажные особнячки городской знати. Но куда было этим, в общем-то, добротным, но совершенно заурядным строениям до дома Аписа!

Взяв отпуск по семейным обстоятельствам, Сергей Анриевич направился в городскую управу за разрешением на сотворение дома.

— Что это за «сотворение» дома? — Чиновник посмотрел на него с видом валютной красотки, которой сделали нескромное предложение с оплатой в неконвертируемых рублях в рассрочку. — Подайте заявление на выделение участка под индивидуальную застройку, мы рассмотрим, годика через два-три, может быть, что-нибудь и решим...

Но Сергей Анриевич не мог ждать три или два года. Точнее, он-то, пожалуй, по скромности и подождал бы, а вот дом — тот ждать не мог.

— Кто такой этот Апис? — Рассеянно спросил один служащий городской управы другого, — Бизнесмен? Менеджер? Крупный работник теневой экономики? — И, узнав, что Апис ни то ни другое и не третье, удивился. — Зачем, спрашивается, инженеру дом?

А ждать и в самом деле было больше нельзя. Ведь когда ребенку

приходит время появиться на свет, он не может ждать. Он рождается — вот и все. Он даже место не выбирает, не его это дело. Так и с домом. Пришло время Апису творить дом — давай, твори. Какие бы резолюции не наложили в городской управе на заявление Аписа, а дом все равно сотворится, и все тут. Это от городских властей не зависит.

Ночью могучий инстинкт творения, почти начисто подавленный в трудолюбивых жителях Растюпинска, но чудом сохранившийся и окрепший в Сергее Анриевиче, вынес его на пустырь.

Светила ли в эту ночь луна, мягко серебря крыши коттеджей и сентиментально просвечивая сквозь перистые кроны мачтовых сосен?

Взрывали ли «Иерихоны» в подземном бронетире военного завода, вселяя в растюпинцев покой и уверенность в возрождении непоколебимой мощи родной страны?

Вершилась ли в Растюпине нормальная ночная жизнь с тремя среднестатистическими ограблениями, одной целой, семьюдесятью тремя сотыми изнасилования, полусотней мордобоев, десятком зачатий и дюжиной смертей, тысячами любовей и несчетным количеством ссор?

Светила.... Взрывали.... Вершилась. Ничего примечательного и экстраординарного в Растюпинске не происходило, если не считать, конечно, сотворения Аписом дома.

Налитый тяжелой, никем на свете не измеренной энергией творения, сыплющий лиловыми искрами, сотрясающий поступью корабельные сосны, ступил Апис на древнюю землю Растюпинского городского пустыря.

И дрогнул мир. Застонали медные стволы сосен. Брызнуло песком и мелкими камешками по окнам и крышам новеньких коттеджей. Взыло пространство, выпучиваясь чудовищным пузырем и мучительно исходя сияющим потом. Зарево встало над городом, и сердце этого зарева неистово и болезненно билось на пустыре.

— Здравствуй, брат! Писать трудно. — Говорили друг другу при встрече небезызвестные Серапионовы братья.

— Трудно рожать, милая! — говорят друг дружке женщины.

— Здравствуй, Творец! Творить трудно, — мог бы сказать Апису коллега, если бы такой нашелся в славном городе Растюпинске.

Трудно и больно творить. Но слава Творцам, сотворившим Вселенную, Человека или хотя бы Дом! Слава им, обессилено лежащим около своих творений. Слава пристрастным и ошибшимся, переиначенным своими детищами или отвергнутыми ими.

Слава тебе, Апис, лежащий в рассветный час на вымощенной разноцветной галькой дорожке, ведущей к двери сотворенного тобой в эту ночь Дома!

Сергей Анриевич встал, отряхнул пыль со штанов, открыл дверь и вошел в Дом.

Когда Апис проснулся, солнце уже светило сквозь витражное окно. Разноцветные квадратики света подползали к кровати. Шелестящие маятником напольные часы в футляре красного дерева бархатисто пробили полдень.

Славно, все-таки просыпаться в собственном доме, где по звуку узнаешь каждую ступеньку деревянной лестницы, где любая дверь, открываясь, говорит тебе — Здравствуй, хозяин! Доброе утро!

— Доброе утро, Дом! — сказал Сергей Анриевич, начиная новый день. Ему было легко.

Весь выходной Апис обживал Дом. Ходил по комнатам, трогал сотворенные им же вещи, удивлялся их удобству и соразмерности. Он поднялся по винтовой лестнице на башенку и постоял там, вдыхая пахнувший хвоей воздух. Сергей Анриевич заново вживался в Дом, как поэт утром перечитывает стихотворение, написанное ночью.

Следовало ожидать, что весь Растюпинск соберется у чудесным образом возникшего дома. Однако у обывателей были, как видно, дела поважнее. А может быть, они попросту привыкли к некоторым быстроечным переменам, происходящим в городе, и ничего особенно хорошего от них не ждали.

И то сказать, стоял на площади ресторан «Вечерний Растюпинск». Вечером растюпинцы в нем выпивали и закусывали в свое удовольствие, шумели, плясали, вступали в случайные связи и выясняли отношения, а утром — глядь — нет никакого ресторана. Одни головешки. Или взять, хотя бы те же самые коттеджи. Не было на пустыре никаких коттеджей и, судя по заверениям городской управы, строить их было совершенно не из чего, а на тебе, за месяц появилась целая дюжина. Кто строил, на какие деньги — неизвестно, одни слухи да домыслы. А пока слухи да домыслы, вселились в коттеджи известные в городе люди и живут себе на законных основаниях, так что ничего не попишешь. В общем, новым домом на пустыре растюпинцев удивить трудно. Хотя, надо сказать, выглядели все эти коттеджи рядом с творением Аписа довольно убого. Стать не та.

В понедельник на работе Апис прислушивался к разговорам сослуживцев. Говорили о ценах, очередях, привычно ругали правительство, обсуждали возможность постройки в Растюпинске знаменитой зарубежной фирмой «Гудбайзер» портативного пивзавода с пивопроводом в столицу, а вот о Доме почему-то помалкивали. Может быть, не знали?

Да нет же, заметили творение Аписа в городе. И не только заметили, а уже прикидывали, что к чему, и даже делили. Если бы не прикидывали и не делили, то не прожить бы Сергею Анриевичу спокойно почти целую неделю. Но, видимо, договорились, потому что в пятницу к Дому подъехало несколько автомобилей, в том числе лягушачьего вида и раскраски бронетранспортер с отрядом муниципальной милиции, вооруженной короткоствольными автоматами местного производства. Из черного лимузина вылез уже знакомый Апису чиновник городской управы, решительными шагами подошел к двери и позвонил в бронзовый колокольчик. Вышедшему на звонок Сергею Анриевичу были предъявлены ордер на выселение и постановление о заключении в городскую тюрьму на пятнадцать суток за нарушение ночного порядка и общественной тишины.

Тотчас же Аписа запихнули в «малиновку», как в просторечии именовали машины с решетками на окнах, славные своими пронзи-

тельными утренними трелями, и увезли. А по дому рассыпались деловитые молодчики спортивного вида.

Пошуровав в комнатах и не найдя ничего, представляющего по их мнению, потенциальную опасность, молодчики почтительно встали у двери в Дом. Тут подъехал нездешней породы автомобиль, из него вышел полный низенький человек с брезгливым ухоженным личиком и, как хозяин, проследовал в предупредительно распахнутую дверь.

Пока творец Дома отбывал пятнадцать суток, трудясь на разборке руин сгоревшего ресторана и постигая жизнь и нравы Растюпинских люмпенов, в Дом въехала семья человека с брезгливым лицом, бывшего никем иным, как председателем городской управы, избранником народным Петром Васильевичем Суkenзоновым.

Две недели шло переустройство Дома под семейное гнездышко Суkenзоновых, при этом в Дом была запихнута масса всевозможных вещей, необходимых, по мнению мадам Суkenзоновой для создания цивилизованной обстановки. Тут были южнокорейские видеоплееры с караоке, комплекты мебели «Клеопатра» и «Осирис» египетского производства, сантехника знаменитой американской фирмы «Виверскун», кухонный гарнитур, изготовленный в республике Бангладеш и многое, многое другое, в том числе десять ящиков шотландского виски «Лонг Фэйс».

Если бы Суkenзоновы были понаблюдательней, то они, возможно, заметили бы, что по фасаду Дома время от времени проходит что-то вроде судороги. Но, даже заметив, они, наверное, не придали бы этому ни малейшего значения, посчитав легкое сотрясение естественной усадкой свежестроенного здания, тем более что ни осыпавшейся штукатурки, ни трещин на стенах не наблюдалось. Таким образом, освоение законным путем присвоенного дома до поры до времени проходило гладко. А через пятнадцать суток после вселения Суkenзоновых, Дом изbleвал их со всем скарбом и автомобилем «Тойота-Ландлузер» на пустырь. Я намеренно употребляю библейское слово «изbleвал», потому что оно наиболее точно передает суть произошедшего.

Спазматически содрогаясь стенами, заваливаясь, как пьяный во все стороны сразу, мотая башенкой, мучительно рокоча и икая, Дом вывалил на бескрайние просторы Растюпинского пустыря воняющую шотландским виски, усыпанную осколками дефицитной импортной сантехники двуспальную кровать с вопящими от ужаса супругами Суkenзоновыми. Следом, задыхаясь и кашляя, Дом изверг из своих недр смятые, как пустые пивные жестянки, южнокорейские домашние кинотеатры, обломки «Клеопатры» вперемешку с кухонным гарнитуром производства республики Бангладеш, обрывками каких-то, видимо тоже импортных тряпок и еще какой-то дурно пахнущей дрянью, имевшей некогда и название, и цену. Боком выпучивался из полуподвала престижный «Ландлузер», чтобы, в конце концов, выхаркнутый, как полупереваренная семга, юзом прочертить по пустырю, удариться о монументальное супружеское ложе Суkenзоновых и задымить.

Когда изгаженный фасад Дома перестал корчиться и трястись, и только из слухового оконца да с башенки еще сыпались всякие мелкие

предметы, на пустыре появился наголо остриженный, похудевший Сергей Анриевич. Прихрамывая, он подошел к двери и скрылся за ней.

И опять тяжело вздрогнуло пространство, взвыло в кронах сосен, рвануло вихрем по пустырю и разбросало семейство Сукензоновых в разные стороны.

Дом менялся. Сужались стрельчатые витражные окна, превращаясь в бойницы. Ажурная изгородь набухла, скалясь по гребню сверкающими остриями. Стены наращивали бетонную плоть. Настороженно и грозно глянули с мощной боевой башни счетверенные стволы автоматической артиллерийской установки. Над крышей решетчатые лопухами поднялись чуткие антенны локаторов систем обнаружения. Казалось, будто бабочка превратилась в носорога. Замер древний Растюпинск, придавленный к земле тяжелым гулом, оцепенели его жители, не понимающие происходящего, умолкли «Иерихоны» в казематах военного завода, байкеры заглушили моторы и залегли в кюветах.

К утру все кончилось.

Сомнительно, чтобы сильные города Растюпинска еще раз посягнули на личную жизнь Сергея Анриевича Аписа. Обгоревшие останки трех бульдозеров и экскаватора, расплюснутые пожарные автомобили, завалившаяся на бок бронемашина местных сил самообороны отрезвляюще действуют на горячие головы любителей чужих творений. Дом возвышается на пустыре, как грозное и чуткое живое существо, готовое к схватке с любым врагом. Впрочем, если вам доведется побывать в Растюпинске, можете навестить Сергея Анриевича. Для этого надо, не обращая внимания на поворачивающиеся в вашу сторону зрачки пулеметных стволов, подойти к шипастой стене и позвонить в бронзовый колокольчик. Дверь откроется, и Сергей Анриевич проводит вас в светлые комнаты со стрельчатыми окнами. Вы сможете посидеть у камина, выкурить трубку и пропустить стаканчик-другой подогретого портвейна, подняться на башенку и полюбоваться закатом, подсвечивающим кроны сосен. Утром вас разбудят солнечные лучи, раскрашенные витражными стеклами. Ведь внутри Дом совершенно не изменился.

Вы мне верите?

Об авторе

Писатель-фантаст, бард и переводчик Алексей Молокин родился в 1950 году в городе Павлово Горьковской области. Его первые литературные опыты относятся к периоду учебы на физфаке Горьковского Госуниверситета, когда молодой студент увлекся сочинением и исполнением рок-баллад и блюзов на русском языке.

После учебы в течение многих лет работал на предприятиях оборонной промышленности, а с начала девяностых А.Молокин активно выступает в качестве переводчика англоязычной НФ; в частности, ему принадлежит первый русский перевод культового романа Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране», перевел произведения Р. Брэдли, С. Дилэни, Р. Сильверберга и др. Тогда же, в 1990-е, в местной печати появились и первые рассказы самого Молокина. Книжным дебютом писателя стал роман в жанре фантастической сатиры «Лабух», вышедший в 2006 году в «АСТ». Алексей Молокин – лауреат литературной премии «Признание». В настоящее время живет в городе Коврове, параллельно с литературной деятельностью занимается интеллектуальными системами автоматического управления.